

Мужицкий труд: дорогой или дешёвый?

Афанасия Фета и Александра Энгельгардта сближают обстоятельства их жизни. Начав один с военной службы, другой – с научной работы, они уже в зрелом возрасте поселились в деревне, стали помещиками. Обоим хозяйство удалось. По ходу дела они делились своими наблюдениями в журнальных статьях.

Один из коренных вопросов пореформенной деревни – обеспечение помещиков рабочей силой. В чём различается отношение двух авторов к этому вопросу? Что общего в суждениях Фета и Энгельгардта о работе мужиков по найму у помещика?

Фет (Шеншин) А.А.

Из деревни (1863)

<...> Насколько мы понимаем дух крестьянской реформы, она должна разрешить два вопроса: эманципацию личности и эманципацию труда, что почти одно и то же. Если я непременно обязан трудиться так, а не иначе, то не могу еще назвать свою личность вполне свободною.

Труд только тогда свободен, когда подобно всем остальным ценностям обуславливается предложением и требованием, когда он *вольнорабочий*. Итак, вольнорабочий труд является логическим последствием и конечной целью реформы, о которой, во избежание недоразумений, скажем раз навсегда, что мы ей и в принципе, и во всех проявлениях по сей день – глубоко сочувствуем. <...> Служа главной идее, невозможно избежать необходимых, и очевидно враждебных самому делу уступок. Так в самой форме освобождения кроются два, враждебные его конечной цели, деятеля. Первый не более как временный (так он и называется) обязательный труд. Будучи обязательным, он в то же время не может быть вольнорабочим. Второй враждебный деятель – поземельный надел. Если вы скажете, что он несколько не мешает вольному труду, – я вполне согласен. Зато и вы в свою очередь должны согласиться, что он сильно мешает вольнорабочему, без которого столь вождельенный расцвет нашего земледелия не мыслим. <...>

Читатели, вероятно, помнят прекрасную статью в прошлогодней «Современной летописи» «Русского вестника» о выгодной замене войсками посторонних рабочих при постройке железных дорог? Совершаясь на таком основании, постройка южного пути явится для всего края истинным благодеянием в земледельческом отношении. Обильное продовольствие рабочих солдат заставит каждого земледельца с новым рвением трудиться в хлеве, поле и огороде, и земледелие мало-помалу возмужает до степени зрелости, какой от него вправду будет ожидать новый торговый путь. Если же, напротив, работа будет производиться частными вольнорабочими, то должно ожидать явлений противоположных. Земледелие, предоставленное собственным ограниченным силам, не может и помышлять о борьбе с капитальным предприятием, рассчитанным на большие расходы. Все и без того малочисленные вольнорабочие уйдут на чугунку.

Из деревни (1871)

IV. Деревня летом – рай

Грибоедов

Хотя земной рай вещь субъективная и относительная, тем не менее смысл грибоедовского полустишия ясен. Автор указывает на созерцательное спокойствие духа, вызываемое материальным довольствием, невозмущаемым безмерными требованиями столичной жизни. Всего необходимого в изобилии. Приходит оно в руки само собою. Наслаждайся природой, чтением, охотой. <...> Таков был идеал деревенской жизни до освобождения крестьян. Но прилагать его в настоящее время к сельскому быту – значит не иметь о последнем ни малейшего понятия. Если переживаемый нами период может быть вернее всего охарактеризован задачей: *делать все из ничего*, то в земледельческой деревне, у корня всего государственного дерева, эта задача должна чувствоваться сильнее, чем где-либо. *Рук нет, людей нет.*

<...> Каких сюрпризов и соблазнов для рабочего нет у нанимателя! Картофель, капуста, яровой корм, пастбища, ягоды, женские наряды, земля, водка и деньги вперед – словом, трудно придумать заманчивую для рабочего вещь, которая не была бы уже пущена в ход. Положительных цен на известный сельский труд, даже приблизительно, во многих случаях не существует. Так, на вопрос: что стоит в нашей местности связать десятину ржи? – придется отвечать так: цена эта зависит от вашей расторопности и юркости, от времени, в которое вы нанимаете рабочих, от степени их нужды в деньгах во время заключения условия. Совокупность этих условий до того изменяет цену труда, что ловкий хозяин вяжет свое поле по 60 коп. за десятину, а ищущий в то же время вязальщиков к переспелой ржи рад, что нашел их по 6 руб. с десятины.

<...> Конец июля. Хлеб давно поспел, но постоянные дожди мешают уборке, ухудшая ее с каждым днем. Хлеб все более ложится и путается. <...> Жалоб на рабочих нет. Но мало-мальски опытный судья¹ знает, что [это] затишье перед бурей, которая тем страшнее разразится над его головой, чем продолжительнее будет ненастье. Наконец барометр поднялся, и солнце второй день печет с безоблачного неба. Еще в 3 часу утра табун мимо наших окон пробежал в поле. Семь часов. Надо бы узнать, в каком положении собственные работы. Но об этом и думать нечего. Вот-вот нагрянут. Действительно, по двору раздается конский топот и в окне мелькает белая лошадь, вслед за ней несется гнедая, за гнедой рыжая. Через минуту на каменном крыльце раздаются отрывистые удары, напоминающие пистолетные выстрелы. Так и есть. Выстрелоподобные звуки производит мешковский, безногий хохол на деревяшке. На гнедой приехал хрящевский прикащик, воспитанник Горыгорецкого [земледельческого] института, а на рыжей молодецватый и рыжий бурмистр мецневской экономии. Дверь приотворяется, но безногий хохол останавливается за порогом. «С жалобой?» – «Точно так». – «Войдите в камеру». – «Не приказано входить. Деревяшка у меня гвоздем подбита, так я полы ковыряю». – «Ничего. Войдите. Нельзя через порог разбирать жалобу. Ну что? Степановские не выходят на работу?» – «Точно так. Рожь сыпется, другой день ездю, только пять дворов выехало. Деньги забрали еще до Рождества, а теперь никак не вызовешь. Сделайте милость, помогите». – «Вот вам повестка к сельскому старосте, чтобы сейчас выгонял на работу или явился ко мне с тремя выборными на разбирательство. Отдайте повестку, и если тотчас не пойдут на работу, явитесь сюда. Явятся или не явятся ответчики на суд, тотчас разрешу производить уборку на их счет». – «Помилуйте! кого ж мы найдем? Теперь и за 6 рублей никто не пойдет». – «Наймите за 7 рублей». – «А с кого ж нам просить эти деньги?» – «С ответчиков». – «Да что с них взять-то?» – «Ну, батюшко, об этом будет время думать, а теперь надо вылезать из беды. Может, дело и мирно обойдется. Время горячее. Поскорей везите повестку». – «Счастливо оставаться. Мигом сомчу». По двору раздается топот ускакавшего хохла. Хохол прав. С неисправного плательщика-некрестьянина суд возьмет все: землю, строения, рабочий скот и инструменты, словом, что под руку истца попадет. А с крестьянина? Ничего. Продать у него всего сказанного нельзя. Юридически это было бы справедливо, но в действительности оказалось бы полным извращением настоящего порядка вещей, одинаково губительным для всех членов народного хозяйства, начиная с истцов. По закону истец может указать на излишний скот истцу и т.д. Но могут сказать, что все это описано за казенную недоимку. Кто это станет и может проверять в чужом ведомстве? Вот почему судьи, к помощи которых прибегают в критическую минуту, так боятся этого рода дел, ясных с юридической и безвыходных с практической стороны. «Вы тоже с жалобой на степановских?» – «Точно так-с, – отвечает горыгорецкий воспитанник, – сделайте милость, помогите! Я человек семейный. Матвей Матвейч, сами изволите знать, они этого в резон не принимают. Ты, говорят, деньги раздавал. Это твое дело. Ты, говорят, неспособен. Ну, а так сказать, будь я действительно способен, что я тут подделаю? Еду к вам сегодня мимо мешковского поля, глядь, а этот самый степановский *Козорезов* преспокойно у них на десятине вяжет. А он первой осенью у меня под отработку деньги забрал. Я еще его спрашивал: не нанялся ли ты куда? Заклялся, забожился. Выручи, говорит, родимый! Сам-пять, говорит, выйду. За два дня убоготорим. Убоготорим! ан он и у Мешковых тоже забрал. Отбивать на соседнем загоне рабочего как-то не приходится. А уж вы сделайте милость». – «Послушайте, вы человек грамотный и так часто были здесь на суде, что заявлять невозможные требования вам не приходится. Вы слышали сейчас мой ответ хохлу. Я могу вам дать разрешение нанять сторонних рабочих. Наконец, выдать вам, согласно условию, на ответчика исполнительный лист, что же я могу сделать больше?» – «Помилуйте! Да у меня на этого Козорезова за недопашку ваш исполнительный лист другой год лежит; был я с ним и в волости. Все говорили: непогода, хлеб у крестьян не молочен, а теперь уж и хлеб съели, а ваш лист все валяется». – «Да ведь вы, верно, обдумали, чего вы просите?» – «Уж пожалуйста и мне повестку. Намедни в сенокос пожаловали повестку, слава Богу, полегчало. Духом собрались». – «Вот вам повестка, и желаю, чтобы с вас было снято подозрение в неспособности». – «Покорно благодарю». Горыгорецкий уходит, бормоча: «Вот беда-то! вот горячка-то!» В таком же роде объяснение с рыжим бурмистром и затем то же самое и то же самое ежедневно, до конца уборки. Крайнее, лихорадочное напряжение рабочих сил представляет в это время не исключительное, а повсеместное явление.

¹ С 1867 по 1877 г. А.А. Фет работал мировым судьёй.

<...> Кстати заметим, что кухарка у нашего предместника по хозяйству² получала, по ее словам, обузу, одежду и 3 руб. в год; следовательно, не дороже 9 рублей. У нас она стала получать 12 рублей, а в настоящее время женщина, исполняющая эту должность, получает 2 рубля в месяц. В такой же мере возросла и наемная цена работника.

<...> Положение сельского хозяина³ наряду с другими производителями исключительное. Только он один, в отношении к рабочим силам, идет по непрестанно проваливающейся дороге, только он один поставлен лицом к лицу к несостоятельному ответчику, который в случае своей недобросовестности может причинить нанимателю неисчислимый убыток. Зажиточный крестьянин в работники нейдет – идет неисправный. В настоящую минуту перед нами просьба о взыскании с не явившегося на работу крестьянина 12 рублей задатку и по 50 копеек в день неустойки, итого 27 рублей. Можно ли требовать, чтобы наниматель не жаловался на нарушение условия? Все рабочие разбегутся. А есть ли надежда на получение 27 рублей? Полагаем, что нет, или из 10 вероятностей только 2 в пользу получения денег, а 8 не в пользу. Заметьте, что строгое требование через суд исполнения условий открывает перспективу остаться без желающих поступить в работники. Таково ли отношение хозяина к хлебному рынку? В начале минувшего декабря нами изготовлено было в продажу 500 четвертей овса и продано с доставкой к 15 января. Следовало продать 600 четвертей, т.е. обмолотить еще 100 копен овса в течение 1 1/2 месяцев. В нашем хозяйстве рабочие были наняты, деньги давно уплачены, и без особого напряжения должно обмолачиваться от 40 до 50 копен овса в зимний день. Таким образом, рассчитывать на двухдневную работу из 45 дней не значило брать на себя неисполнимое. Тем не менее мы ограничились продажей 500 четвертей, и, как оказалось, пессимизм выручил нас из беды. С начала декабря стояли оттепели, затем поднялись метели и праздники, затем сборы в волости по случаю рекрутства, снова метели и наконец ясная погода. Во вторник на всеедной раскрыли скирду в 150 копен. Помолотили день – погода ясная, но мороз дошел до 30 градусов, и бабы нейдут молотить. Как же быть? «Помилуйте. Тут всей работы на два дня осталось». – «Да ведь я это с ноября слышу». И раскрытая скирда простоит за Масленую, перебьется со снегом, т.е. изгадится. Увлечись мы теорией вероятностей, так, пожалуй, и заплатили бы за недоставку 100 четвертей могущий произойти для покупателя убыток. Не приводя новых образчиков ежечасных треволнений, в которых осужден жить сельский хозяин, признаем несомненный факт, что рай праздной лени, поэтической обломовщины менее всего осуществим в деревенской тишине, если живешь в ней не гостем, а деятелем.

Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001.
С. 70-72, 183-184, 304-307, 310-311.

А.Н. Энгельгардт. Из деревни. 12 писем Из письма четвертого (1874)

Благосостояние крестьянина вполне зависит от урожая ржи, потому что даже при отличном урожае большинству крестьян своего хлеба не хватает, и приходится покупать. Чем меньше ржи должен прикупить крестьянин, чем дешевле рожь, тем лучше для крестьянина. Помещик, напротив, всегда продает рожь, и от ржи, при существующей системе хозяйства, получает главный доход. Следовательно, чем дороже рожь, чем более ее требуется, тем для помещика лучше. Масса населения желает, чтобы хлеб был дешев, а помещики-купцы, землевладельцы, богачи-крестьяне желают, чтобы хлеб был дорог.

Если бы благосостояние крестьян улучшилось, если бы крестьяне не нуждались в хлебе, – что делали бы помещики со своим хлебом? Заметьте при этом еще, что при урожае не только понижается цена хлеба, но, кроме того, возвышается цена работы. Если бы у крестьянина было достаточно хлеба, то разве стал бы он обрабатывать помещичьи поля по тем баснословно низким ценам, по которым обрабатывает их теперь?

<...> Нынче у меня работы множество, потому что я изменил всю систему хозяйства. Значительная часть работ производится батраками и поденщиками. <...> На определенные издельные работы, особенно на работы, цены которым более постоянны и не могут измениться летом, а устанавливаются уже с весны, а также с крестьянами дальних деревень, при выдаче денег вперед, заключаются условия; на работы же поденные, на работы, цены которым вперед определены быть не могут по их изменчивости, на работы новые, в нашей местности мало

² Автор купил поместье за одиннадцать лет до написания этих строк.

³ Здесь автор имеет в виду не крестьян, а таких же, как он, помещиков средней руки.

известные, словом, на такие, при которых человек, заключивший условие, может быть закрепощен и поставлен в необходимость делать работу по цене для него невыгодной, вследствие чего у него явится соблазн уйти с работы и не выполнить условие, я обыкновенно не делаю условий, а выдаю деньги под работу, с уговором выйти на работу, когда потребуется, по "цене как людям". Крестьяне вообще любят такое неопределенное условие, и кому доверяют, то охотно будут работать по "цене как людям", не взяв даже денег вперед. Прошедшею осенью мне нужно было драть облоги под лен, – оповестил соседние деревни. Встречаю потом одного из зажиточных крестьян соседней деревни.

– Что, Кузьма, будешь облогу драть? Мне нынче нужно восемь десятин с осени поднять.

– Буду.

– Почем с десятины?

– Почем людям - потом и нам.

– Четыре думаю дать.

– Маловато будет.

Через несколько дней вижу – Кузьма начал драть облогу. За Кузьмой выехал Панас, потом Листар, потом Кириуха, и все дерут облоги по цене "что людям, то и нам". Так все облоги и подрали по неизвестной цене. Цена потом сложилась как-то сама собою – я даже и отчета себе не могу дать как – по пяти рублей за десятину хозяйственную в 3200 кв. сажень. И цена невысокая, потому что вздрать облогу работа не легкая.

<...> После "Положения" прошло уже 12 лет, но система хозяйства остается у большинства все та же; сеют по-старому рожь, на которую нет цен и которую никто не покупает, чуть у крестьян порядочный урожай; овес, который у нас родится очень плохо; обрабатывают поля по-старому, нанимая крестьян с их лошадьми и орудиями; косят те же плохие лужки, скот держат, как говорится, для навоза, кормят плохо и считают скот хорошо содержанным, если коров по весне не приходится подымать.

<...> Для того чтобы получить наибольшую выгоду от хозяйства при существующей системе, необходимо, чтобы хлеб был дорог, вследствие чего работа будет дешева, то есть необходимо, чтобы крестьяне бедствовали. <...> Но ведь желательно, чтобы крестьяне не голодали и, в то же время, чтобы мое хозяйство шло мне не в убыток. Нужно, значит, изменить систему. Я изменил систему хозяйства и, увидав скоро, что попал верно, пошел вперед напролом. <...> В настоящее время даже крестьяне одобряют мое хозяйство, не косятся на мои нововведения и часто говорят про меня, что я все "хозяйственное" завожу. Первый год, когда я начал сеять лен, крестьяне говорили, что лен у нас не родится, – теперь все убедились, что лен родится отлично и приносит огромные выгоды. Говорили, что лен портит землю, а между тем после льна рожь уродилась такая, что лучшей в поле не было. Говорили, что я не найду на лен рабочих, а теперь для выборки льна за раз пришло 50 поденщиц. Говорят: "Отчего же и не идти, когда вы цену хорошую даете".

<...> Результатом моих исследований о ценах на труд была статья "Дороговизна ли рабочих рук составляет большое место нашего хозяйства", помещенная в №2 "Отечественных записок" за 1873 год.

В этой статье я фактами доказал, что рабочие руки у нас чрезвычайно дешевы, что крестьянин, обрабатывая издельно господские поля, еле-еле зарабатывает, буквально, корку хлеба, что не дороговизна рабочих составляет большое место нашего хозяйства, а нечто другое.

Статья моя не осталась без ответа. В "Земледельческой газете", органе министерства государственных имуществ, мне случилось прочитать рецензию на мою статью. Рецензент соглашается со мной, что рабочий у нас получает очень мало, – еще бы не согласиться, когда я могу условиями, заключенными с крестьянами, подтвердить все числовые данные моей статьи! – но в то же время старается доказать, что хотя рабочий у нас получает мало, очень мало, но работа его дорога, так что в своих жалобах на дороговизну рабочих рук правы и землевладельцы. <...> Но зачем же быть несправедливым, зачем затемнять вопрос?

<...> Если бы землевладельцы действительно ставили вопрос так, как его ставит рецензент "Земледельческой газеты", то они не жаловались бы на *дороговизну рабочих*, но изыскивали бы средства к *удешевлению самой работы*, т.е. не только оставляя рабочему ту плату, которую он теперь получает, но даже повышая ее, старались бы введением усовершенствованных орудий и т.п. увеличить производительность работы. В этом смысле не на кого даже и жаловаться, потому что это значило бы жаловаться на самого себя, на свою неумелость. <...>

Нет, землевладельцы жалуются совсем не на то: они жалуются именно на дороговизну рабочих рук, они именно говорят, что заработная плата слишком велика, что крестьяне слишком дорого

берут за обработку земли <...> В таком именно смысле поставлен вопрос и петербургским собранием сельских хозяев, которое в своем объявлении говорит так: "самое больное место в хозяйстве настоящего времени составляет, бесспорно, дороговизна рабочих рук, а иногда и совершенное их отсутствие, притом и в самую горячую пору, т.е. во время сенокоса и жатвы. Так, в Херсонской и Таврической губерниях в минувшее лето платили: за выкос десятины по 10 руб., а за уборку хлеба по 20 руб.; в Московской губернии косец стоит 75 копеек в сутки. Желательно было бы слышать доклад, в котором бы указаны были причины дороговизны рабочих рук из местной практики и соответственно этим причинам предложены были меры к удешевлению земледельческого труда".

<...> Цена 75 копеек косцу признается слишком высокою, и желают, чтобы она была уменьшена. Тут уже ясно, что не о малой производительности работы идет речь, потому что даже у нас, – далеко от Москвы, где сено не ценится так высоко, – при хорошем урожае травы, на покосе каждый рабочий кругом, мужчина и женщина, выработывает хозяину сена на 2 рубля в день. Следовательно, или хозяину мало заработать в день на каждом работнике 1 руб. 25 коп. (нужно заметить, что женщины никогда не получают 75 копеек, а самое большое 40), или он косит плохие покосы себе в убыток. <...> Как же изменить эту систему? Рецензент <...> думает, что плату рабочему можно было бы повысить, если бы ему даны были усовершенствованные орудия и пр. "Дайте работнику в руки, – говорит рецензент, – лучшую лошадь, вместо сохи – плуг и скоропашку, вместо лукошка – сеялку, вместо цепа – молотилку, и он перестанет болтать землю, ту же полезную работу будет производить в кратчайшее время и даже с меньшим физическим истомлением, тогда он может потребовать, и каждый хозяин, помимо всяких филантропических соображений, даст ему высшую поденную плату".

Так-с. Как бы хорошо было, если бы сложные хозяйственные вопросы можно было разрешать так просто.

Машины, значит, и усовершенствованные орудия завести. <...> Лицо, занимающееся хозяйством на бумаге, в департаменте, в редакции журнала, может, конечно, так говорить, а я не могу <...> Я практический хозяин. Если я скажу: пашите плугами, и вы будете в состоянии платить работнику не $\frac{1}{2}$ копейки за проход версты, а 3 копейки, то мне каждый, ну, хоть мой ближайший сосед, вправе сказать: "докажи это на своем хозяйстве".

<...> У нас вообще слишком много значения придают усовершенствованным машинам и орудиям, тогда как машины самое последнее дело. Различные факторы в хозяйстве, по их значению, идут в таком порядке: прежде всего хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства и, если система дурна, то никакие машины не помогут; потом работник, потому что в живом деле живое всегда имеет перевес над мертвым; хозяйство не фабрика, где люди имеют второстепенное значение, где стругающий станок важнее, чем человек, спускающий ремень со шкива; в хозяйстве человек – прежде всего; потом лошадь, потому что на дурной лошади – плуг окажется бесполезным; потом уже машины и орудия. Но ни машины, ни симентальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. Его улучшить могут только хозяева.